

Николай Лесков

Синодальный философ

Николай Лесков
Синодальный философ

«Public Domain»

1883

Лесков Н. С.

Синодальный философ / Н. С. Лесков — «Public Domain»,
1883

«В начале следующих рассказов, которые, мне кажется, по своему любопытному содержанию могут заинтересовать внимание читателей, считаю долгом указать исторический источник, из которого я черпаю мой материал, и предпослать несколько слов о самом сказателе, личность которого имеет значение, ибо читатель должен усвоить в себе к нему доверие...»

Содержание

Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Лесков

Синодальный философ

По запискам синодального секретаря Исмаилова

*В старину живали деды
Веселей своих внучат.*

В начале следующих рассказов, которые, мне кажется, по своему любопытному содержанию могут заинтересовать внимание читателей, считаю долгом указать исторический источник, из которого я черпаю мой материал, и предпослать несколько слов о самом сказателе, личность которого имеет значение, ибо читатель должен усвоить в себе к нему доверие.

Все, что вы найдете ниже в этих очерках, взято мною из записок Филиппа Филипповича Исмаилова – немалого чудака, но человека обстоятельного, с независимым складом ума и с откровенностью, которая, на мой взгляд, вполне располагает доверять его искренности.

Записки эти, по поручению их собственника, были мною предлагаемы нескольким петербургским редакциям, но нигде не нашли себе помещения, потому что всем они почему-то показались малоинтересными и даже скучными. Другие были так странны, что требовали от них «направления», как будто старый синодальный секретарь тридцатых годов мог предвидеть какие-то нынешние направления и стараться потрафлять им... После такой неудачи я задал себе труд прочесть записки от доски до доски и, к величайшему моему удивлению, нашел их чрезвычайно любопытными, а также и крайне поучительными при нынешнем тяготении многих на попятный двор.

Глубокое убеждение в том, что записки Исмаилова принесут читателям удовольствие и своего рода пользу, побудило меня самого взяться за приспособление их к потребностям издания, которое я считаю более других способным снести чужое, хотя бы и не совсем согласное с ним, мнение и не вымогать направления от произведения, в котором его не только не может быть, но и не должно быть.

Я дам все эти записки отдельными этюдами, но ничего не прибавлю и не убавлю, и никаким другим образом не переиначу из событий, о которых записал Исмаилов. Я только сгруппирую их по свойствам материи и приведу все в связь, чтобы оно производило более ясное впечатление. При этом везде, где только удобно, я буду передавать рассказ собственными словами Исмаилова.

Теперь: откуда он и кто такой?

Филипп Филиппович Исмаилов, магистр Московской духовной академии, в 1828 году был рекомендован митрополитом Филаретом Дроздовым генералу-от-артиллерии Петру Михайловичу Капцевичу, в качестве надежнейшего воспитателя его сына, воспитание которого, по особым намерениям отца, должно было совершиться «в самом чистом русском духе».

Филарет Дроздов, определение свойств которого современными его апологетами беззастенчиво объявляется делом, превышающим силы обыкновенного смертного, на самом деле имел одну очень ясную черту (других я не хочу трогать): он был очень недоверчив к людям, – особенно к «светским», или вообще не монахам, ходящим, по выражению епископа Амвросия Ключарева, «в шкуре ефиопа», которую носим вы и я, мой читатель. (Таковую дал нам Бог.) По одному этому недоверию, или хоть, скажем, – предочезрению, человек, рекомендованный митрополитом Филаретом генералу, занимавшему в то время довольно видное место и известному другу синодального обер-прокурора, князя Петра Сергеевича Мещерского, внушает и должен внушать большое к нему доверие.

Положение Исмаилова при Капцевиче показывает, что его очень ценили, — о нем заботились не только сам генерал, но и его друг, обер-прокурор Мещерский, — отец издателя «Гражданина». Капцевич говорил с Исмаиловым о своих семейных делах и не ложился спать, не проиграв с ним целый час на биллиарде, а обер-прокурор князь Петр Сергеевич Мещерский изобрел для его утешения даже нечто более существенное, и притом на казенный счет. «Чтобы Исмаилов не терял выгод казенной службы», Мещерский определил приятельского учителя к себе в синод и туда на службу Исмаилова не требовал, дабы он не отрывался от забот о воспитании «в русском духе» молодого Капцевича. Он состоял в личном распоряжении обер-прокурора, и через год таких трудов Мещерский назначил Исмаилова секретарем синода. Впоследствии, однако, Исмаилов стал заниматься и синодальными делами, и даже приобрел в них глубокие познания и оставил заметки.

В записках Исмаилова описаны: жизнь в доме генерала Капцевича (артиллерийский дом у церкви Преподобного Сергия), связи, образовавшиеся в кругу людей близких этому дому; педагогические чудачества родителей тогдашнего петербургского «света», и, наконец, отрывочные этюды о мужьях и дамах, с которыми Исмаилову доводилось сталкиваться по должности синодального секретаря. Все это очень любопытно, и даже, опять повторяю, поучительно. Читая откровенные заметки Исмаилова о том, что такое было «воспитание в русском духе», о котором хлопотали Капцевич и Мещерский, получаешь ясное указание, почему из всех этих хлопот выходило одно шутовство, на которое люди искренние смотрели как на фарисейство и карьерный прием. Патриотов занимало «не воспитание в русском духе, а пристройство детей к местам, где бы они, не обременяясь сведениями и трудами, имели от самого сего настроения выгоду положения».

Слова «искательность» и «пристройство», которые и мы слыхали в нашем детстве и позабыли, снова воскресают и действуют.

В записках Исмаилова мы увидим молодого Капцевича и иных совоспитанных ему, но всю эту серию заметок «о воспитании в русском духе» пока отодвинем немного вдаль, а теперь дадим первое место дамам, о которых одна высокопочтенная особа говорила: «они умели грешить и умели страдать».

Взглянем на этих милых грешниц и страдалец и посравним пока на них век нынешний и век минувший, к которому опять потянулись бездельные руки.

Глава первая

Высеченная полковница

«Познакомился со мною один богатый дворянин-помещик О. и полковник». Исмаилов все рассказы об этих семейных историях ведет, не обозначая лиц, которых они касаются. По мнению лиц, близко знавших автора, это должно быть приписано «его скромности и деликатности».

Для нас это вдвойне приятно, потому что, благодаря такой скромности, мы свободно можем передать записанные синодальным секретарем характерные черты нравов, не рискуя затронуть ничьей личной щекотливости.

Продолжаем рассказ Исмаилова.

«Зная, что я служу в синоде, помещик стал часто посещать меня; говорил много о себе, о своем круге и своих домашних обстоятельствах, а между тем испытывал, можно ли мне вверить сердечную его тайну?

Не проникая его намерений, я рассуждал с ним без всяких задних мыслей и с участием, какое мы обыкновенно принимаем в делах людей, ничем, кроме обыкновенного знакомства, с нами не связанных.

Однажды он приносит ко мне кипу бумаг и просит прочитать. Бумаги составляли дело о его неудовольствиях против тещи, которая будто ссорит и разлучает его с женою».

В деле Исмаилов нашел «жалобы зятя и мужа и вследствие того разного рода примирения». Примирения были какие-то «частные и формальные», «при посредстве весьма значительных людей» и «даже местного архиерея», которого Исмаилов, очевидно, считал всех значительнее.

Исмаилов прочел бумаги и, возвращая их помещику, страдающему от тещи, сказал:

– Жизнь ваша некрасива.

– Да, – отвечал он и начал описывать историю своей женитьбы, любовь к жене, ее свойства и особенно свойства матери – его тещи.

«Женился он по любви и, как ему казалось, по взаимной». Мать жены – женщина лет под сорок – была на этот брак тоже согласна.

«После брака первые полгода жили они с женою очень хорошо». Теща если и вмешивалась иногда в какие-нибудь их дела, то все это «обходилось прилично». Но мало-помалу теща становилась несноснее и, наконец, «через полгода в нее точно как нечистый дух вселился: она сделалась мрачною, злобною и ненавистною к нему до того, что он (будучи полковником!) стал бояться ее и избегать ее присутствия».

Причиною такой перемены в теще полковник предполагал то, что он ей сделал замечание о неуместной, по его мнению, доверчивости ее к одному соседу, который, казалось зятю, пользовался слишком теплым расположением его сорокалетней тещи, даже распоряжался ее именем.

«Поступки их и обращение полковнику казались не совсем чисты». Он ими уколол амбицию тещи, а та не стерпела и сделалась его врагом.

Молоденькая жена полковника явилась между двух огней, т. е. между обиженною матерью и мужем.

«Сперва она посредствовала между матерью и мною, говорит полковник, но после предалась на ее сторону. А та, злая и мстительная, чтобы довершить свое торжество и перессорить нас вконец, сыскала дочери приятеля, тоже соседа по имени, и эта несчастная поддавалась чарам матери и охладела ко мне совершенно».

Полковник пробовал вернуть себе расположение жены, но безуспешно: сосед, подготовленный для ее утешения матерью, был без сравнения счастливее мужа.

И вот, продолжает полковник, «когда ни ласки, ни внимания, уступки капризам, ни предупредительность в желаниях – ничто не могло обратить ко мне моей жены, я принял решительные меры – стал жаловаться явно».

Результатом «явных жалоб» были «увещания» в собрании родственников и архиерея, причем от супругов иногда «отбирались письменные обязательства жить в согласии и не разлучаться». Документы эти они выдавали друг другу, муж жене, а жена мужу, но все это не давало их освященному союзу благословенной тишины, согласия, совета и любви. «После уговоров и увещаний полковница как будто немножко образумится, поживет с мужем месяц, но как увидится с матерью, проникнется ее духом, бросит мужа, уедет из дома и не возвращается».

«Значительные лица и архиерей», уму и житейской опытности которых полковник повергал дело о своих ссорах с женою и от них ждал склонения жены к супружеской верности и любви, наконец нашлись вынужденными обратиться к такому сильному средству, которое должно было подействовать наверное. Они на последнем увещании супругов взяли обязательство жить в мире уже не только от полковницы и полковника, но и «подручательство общих родных». Тут же и было какое-то «свидетельство архипастыря».

Но легкомысленную женщину даже и это ненадолго сдержало: она осталась у мужа с месяц и уехала опять к матери, у которой и прожила целый год, а мужа все это время совсем даже не принимала.

Не хотела даже видеться.

Полковник, познакомься в доме влиятельного генерала Капцевича с Исмаиловым и узнав, что он, как секретарь синода, хорошо знает брачные дела, а притом еще и большой философ, обратился к нему с вопросом: «что делать?»

Исмаилов, как то видно из его записок, едва ли не наполовину состоящих из резонерства на каждый отмеченный случай, действительно был философ и не схоласт, не теоретик, а философ практический или, как тогда говорили, «философ от хлебного рынка». А потому, являсь к нему с своим семейным секретом, который, надо полагать, был «секретом Полишинеля», полковник попал к настоящему человеку. Но и задача Исмаилова была не легка: он должен был давать совет после того, как о деле этом судили уже «значительные люди и даже архиерей».

Однако, следуя бодрящей поговорке: «отважный ум препятствия не знает», Исмаилов принял щекотливое дело к своему рассмотрению и стал его обсуждать с такими соображениями, которые в одно и то же время свидетельствуют о спокойной ясности его ума, деловой опытности и знании женщин с такой стороны, с какой их трудно знать, не занимаясь бракоразводными делами в святейшем синоде.

Исмаилов прежде всего стал рассуждать так:

«В истории этого несчастного мужа странно то, что он человек прекрасный во всех отношениях: молод, красив собою, ловкий и образованный, полковник, с обширными связями; женился по взаимной любви; добрый и расположенный к жене, но не странно ли, что человек с такими завидными качествами для супружеской жизни не мог поддержать к себе расположение женщины, связанной с ним узами брака?! Нравственной причины упорного отвращения „жены от мужа“ здесь Исмаилов „не находил“, а путем наблюдений, опыта и наведений пришел к заключению, что „причина отвращения полковницы от полковника – физическая, и скрывается в нем самом, то есть, что он натуральный скопец, каких мужчин женщины не терпят и гнушаются“».

Огромная практика сейчас же заставила Исмаилова обратиться к справкам, которые дали ему подтверждение. Он упоминает о двух подобных случаях, из коих «в одном погибла

жена, а в другом – муж сделался развращенным человеком при жене чрезвычайной красавице».

Таково было настроение Исмайлова и потому, когда полковник явился к нему с требованием ответа, «что делать?» – синодальный философ отвечал ему:

«– Тут один ответ: бросить жену и искать развода.

– Ах, нет! это значило бы осрамить ее и себя, а я ее люблю сердечно, – она ангел, не будь только тещи.

– Ну, так поступите так, как у нас в подобных случаях поступает простой народ, – постражайте упрямую беглянку розгами. Она сначала посердится: но увидит, что с вами шутить нельзя, а там как-нибудь дело и обойдется».

«Однако деликатный муж на этот совет не согласился», а Исмайлов ему тогда сказал:

«– В таком случае ничего больше посоветовать не умею».

В нынешнее время, при том смягчении нравов, в которых благотворно сказалась судебная реформа и относительная доля свободы слова, дарованные России почившим государем Александром II, трудно бестрепетной рукою даже переводить подобные речи с пожелтевших тетрадей старого дневника на свежий лист бумаги, и становится жаль умершего старика, который, без стеснения и страха перед судом потомства, выражал свои искренние советы. На стороне их, конечно, не может быть теперь ничьих симпатий, кроме разве симпатий самых грубых невежд или омрачивших свой смысл друзей попятного движения, но будет также несправедливостью дать слишком много воли своему негодованию и судить об авторе записок тридцатых годов как о человеке, имевшем счастье перегореть душою в огне покаяния, очищавшего сердца людей в первые годы прекрасного царствования Освободителя.

Исмайлов, судя о нем вообще, – человек не только не злой, но, может быть, даже добрый и несомненно склонный уважать справедливость и милосердие, но на нем лежат дух века и господствовавший тогда взгляд на исправление женщин, – взгляд, которого, как сейчас увидим, не считали неуместным даже в «сферах».

Правда, что Исмайлов был «магистр», стало быть, имел высшее образование, которое не всегда встречается в «сферах»; верно и то, что он «был рекомендован» «смирненным Филаретом, митрополитом московским», к воспитанию ума и сердца детей генерала, который опасался малейшего признака западных влияний и хотел во всем и всего «самого русского», но ведь и сам Филарет, как известно, не считал «наказания на телах» за излишнее для «миллионов крепостных», между коими могли встречаться и действительно встречались личности, стоявшие по своему пониманию ничуть не ниже иной дамы... Это противно, но что делать, когда это так было и люди ничтоже сумняся резонировали, вертятся в кругу подобных положений и сопоставлений. «Из песни слова не выкинешь». При этом же хотя Исмайлова избрал и Филарет, но натура его была, кажется, не из избранных по чувствам эстетическим. В заключении своих записок наш философ откровенно говорит, чего ему недоставало. «Здесь (в обществе) я узнал, что чувство изящного развивается в человеке не теориями эстетики, а практически. Все это привилось к грубой моей натуре не так, как бы следовало, и я остался невозделан. Воспитание кладет на нашу природу такие пятна, которых впоследствии ничем не сотрешь». Исмайлов на старости лет своих вспоминает, в каких он важных домах бывал, но все-таки «остался неловок и не умеет обращаться с людьми»... Все видел и все слышал, что в его время было замечательного в столице, и опять «остался неспособным чувствовать и ценить красоту: в музыке мне нравится гром, а в живописи только яркость колеров, т. е. то, что нравится дикарям».

Нужно только подивиться: какая ирония судьбы через посредство митрополита Филарета выбрала для воспитания русского светского юноши именно этого «невозделанного» человека с эстетическими потребностями «дикаря»... Будто это так непременно нужно для «воспитания самого русского»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.